

Герберт Бейтс

Мертвая красота

Бейтс Г. Э.

Мертвая красота / Г. Э. Бейтс —

Мой мир населяют простые, на первый взгляд, обыкновенные люди из деревушек и провинциальных городков: любимые кем-то и одинокие, эмоционально неудовлетворенные, потерянные, мало себя знающие... Это мир глубинных страстей, безотчетных поступков и их последствий. Но внешне он не особенно драматичен... В совершеннейшей форме рассказ является, по существу, стихотворением в прозе.

Герберт Эрнест Бейтс Мертвая красота

Орудя шпателем, Гримшо наконец удалось заткнуть щели в окне спальни грязным тряпьем. Пошел снег, резкие порывы ветра гнали его из стороны в сторону, ледяная крупа рисовыми зернами прыгала по черным сухим тротуарам. А вот в спальне потеплело, по крайней мере, так казалось Гримшо: тряпье в щелях сдерживало напор восточного ветра, и, довольный результатом, он наконец обернулся и поглядел на жену – она лежала на постели при смерти.

– Ну как, тебе получшало? – спросил он.

– Нет. Не получшало.

– Стало потеплей, правда?

– Малость потеплей, – согласилась она.

– Доктор велел, чтоб я затопил, – сказал Гримшо. – Но тебе ведь это ни к чему? А нет, только скажи, я враз затоплю, – поспешно добавил он.

– Не надо. Мне не холодно.

– Сроду здесь не топили, – сказал Гримшо. – И с чего бы вдруг мы стали здесь топить? На мой згад так, а на твой?

– И на мой, – сказала она.

Жена Гримшо лежала в огромной, редкой красоты кровати красного дерева под балдахин, но без полога; балдахин витал над ней подобно сумрачному ангелу-хранителю, простирая к ней вместо рук витые стойки. Гримшо глядел на жену, тщедушную женщину с кроткими глазами, чьи полыхавшие румянцем щеки и руки в узловатых венах говорили о высоком давлении, заодно обнимая взглядом и кровать. От темного, как бургундское, красного дерева, по мнению Гримшо, шло столько тепла, что оно вполне могло нагреть комнату – к чему, спрашивается, еще и топить? Кровать была редкостной красоты, из лучших его вещей. Да, редкостной красоты вещь. Тщедушное тельце на кровати прикрывало бурое шерстяное одеяло с прожженной желтой дырой, поверх него обмахрившаяся накидка белого пике, заштопанная по краям. В ноги ей Гримшо положил старый плащ, под кровать поставил помойное ведро.

– Как ты насчет того, чтоб поесть? – спросил Гримшо. – Дело идет к двенадцати.

– Что-то не больно хочется.

– Есть холодная рисовая запеканка, – сказал Гримшо. – Я могу ее разогреть.

– Вот и хорошо. Разогрей.

– А могу выйти, купить чуток свиной требухи. Правда, снег пошел. Но ты не думай, я схожу.

– Не надо, – сказала она. – Разогрей запеканку.

Взъерошив седые волосенки, Гримшо направился к выходу, лавируя между хепплуайтовскими стульями, приставным столиком конца XVII века и резным комодом, втиснутыми между кроватью и дверью. На пороге он задержался, и глаза его поверх подвязанных веревочкой очков обратились на нее.

– Как ее разогреть, запеканку-то? – спросил он.

– Поставь на чайник, – сказала она. – И все дела.

– А-а. Ладно, – сказал он. – Тебе полезно поесть тепленького.

Прошел темноватую лестничную площадку, прихожую первого этажа, уставленные мебелью, увешанные картинами и бесчисленными фарфоровыми тарелками, спускавшимися на проволочках с багетов. Миновал такую же нетопленую и тесную, как спальня, гостиную и загроможденными закоулками прошел в кухню. Кухня стояла неприбранная, накопившаяся за день посуда была свалена в раковину, чуть теплая плита топилась распространявшими едкую вонь обрезками кожи – Гримшо дважды в неделю выпрашивал их у сапожника за углом. Посреди

кухни помещался раскладной столик не из самых удачных – Гримшо когда-то приобрел его за два шиллинга и отреставрировал в своей мастерской на заднем дворе. Вместо скатерти столик был застелен газетой, на ней стояли грязная чашка, тарелка, валялись куски яичной скорлупы и остатки завтрака. Коричневый чайничек с заваркой томился на припечке, рядом на треноге булькал чайник с кипятком.

Гримшо убрал со стола грязную посуду. Составил ее в раковину, бросил в печку яичную скорлупу и только тогда отыскал в кухонном буфете остатки рисовой запеканки – твердый, покрытый коричневой коркой кус в обгоревшей по краям эмалированной миске, поставил миску на чайник, предварительно сняв с него крышку, и передвинул треногу на конфорку.

В ожидании, пока запеканка разогреется, Гримшо впал в состояние какого-то оцепенения. Распахнутая дверь открывала взгляду Гримшо тесную, заставленную мебелью гостиную. На его испитом лице прежде всего замечались мутно-желтые глаза, слезящиеся, выпученные, почти лишенные век. Он напялил на себя один на другой несколько засаленных жилетов, а поверх них обмотал грудь засаленным шарфом, концы которого заткнул под мышки, – опять похолодало. И вот так, обмотанный шарфом, отчего создавалось впечатление, будто он собрался уходить, Гримшо долго сидел, безотрывно, словно в оцепенении, глядя на мебель. Ему чудилось, что столешницы, сиденья стульев, бюро – точь-в-точь как и кровать наверху – излучают неуловимое тепло. Красивые, ничего не скажешь, думал он. Один их вид трогал Гримшо за живое, пробуждая в его ревнивой душе собственника чувства едва ли не поэтические. Судя по выражению его по-прежнему выпученных, но несколько умягчившихся глаз, старинная мебель радовала его своими очертаниями, оттенками, как других радует поэзия или музыка. Казалось, он внимал ее красоте в сумрачной тишине дома, о стены которого еще яростнее бился снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.